

Остров сокровищ

Про книгу

Крупнейший представитель английского неоромантизма, Роберт Стивенсон и доселе является одним из самых узнаваемых и любимых многими поколениями писателями приключенческого жанра.

С первых страниц романа читателя приветствуют колоритные персонажи. Среди них присутствуют Билли Бонс, Джим, Флинт, Пью, доктор Ливси и многие другие выдающиеся личности.

Легкий стиль написания, остроумный, искрометный юмор и масса положительных эмоций — все это в процесс прочтения вам обещает бессмертный Стивенсон!

Библиотека приключений

Р. А. Стивенсон
**ОСТРОВ
СОКРОВИЩ**

СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

✦ Библиотека приключений

Библиотека приключений

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАВЪ СЕМІЙНОГО ДОСУГА
Харьков
2009

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2013

ISBN 978-966-14-7421-4 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Стивенсон Р. Л.

С80 Остров Сокровищ [Текст] / пер. с англ. М. Зенкевича ; предисл. А. Климова ; оформл. серии М. Курдюмова ; худож. М. Курдюмов. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2009. — 240 с. : ил. — (Серия «Библиотека приключений»).

ББК 84.4ВЕЛ
С80

Перевод с английского:
«Treasure Island» by Robert Louis Stevenson

Переводчик *М. Зенкевич*

В оформлении обложки использована иллюстрация Михаила Курдюмова

Оформление серии *Михаила Курдюмова*

Художник *Михаил Курдюмов*

ISBN 978-966-14-0560-7 (серия).

ISBN 978-966-14-0561-4 (Украина).

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2009

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2009

Игры, в которые играл Стивенсон

Когда в 1883 году увидело свет первое издание романа шотландца Роберта Стивенсона «Остров Сокровищ», на первой странице стояло посвящение: «Мистеру Л. О.». Это была третья книга молодого и пока не слишком удачливого писателя, но, в отличие от первых двух, о которых сегодня никто не помнит, ее ждал оглушительный успех у читателей и всемирное признание. И тут же критики принялись ломать головы — кто же он такой, этот таинственный «Л. О.»?

Секрет был прост — тринадцатилетнего приемного сына Стивенсона звали Ллойд Осборн. И отчим, и пасынок были отчаянными выдумщиками и фантазерами, порой на полу в гостиной они разыгрывали настоящие морские и сухопутные сражения с участием моделей кораблей и целых армий оловянных солдатиков. Однажды Ллойд попросил отчима придумать «что-нибудь поинтереснее», и Стивенсон нарисовал карту острова, очертаниями напоминавшего дракона. Там были и холм Подзорной Трубы, и Остров Скелета и многое другое, что впоследствии читатели нашли в знаменитом романе. Мальчик увлекся картой, а тридцатилетний писатель, задумчиво разглядывая несуществующий остров, внезапно увидел, как среди нарисованных холмов и воображаемых перелесков двигаются, спорят, ссорятся и преследуют друг друга настоящие живые люди — герои будущей книги.

С картой в руках Стивенсон отправился в кабинет, и вскоре вся семья стала собираться по вечерам в гостиной, чтобы послушать чтение очередной главы «Острова Сокровищ», который в ту пору носил название «Корабельный повар». Это была увлекательнейшая игра, потому что в придумывании новых приключений героев принимала участие вся семья — и отец Стивенсона, морской инженер, которому принадлежит описание сундука Билли Бонса, и жена писателя, и его приемный сын.

Когда книга была закончена, Стивенсон сказал одному из приятелей: «Если мальчишкам она не понравится, значит, нет теперь настоящих мальчишек».

Мальчишкам понравилось — причем настолько, что «Остров Сокровищ» вскоре был переведен на все европейские языки, им зачитывались дети и взрослые, и даже настоящие профессиональные моряки отказывались верить, что в книге описаны выдуманные события, а не то, что случилось на самом деле. Да, это была замечательная выдумка, игра, но правила в ней диктовал талант писателя; и по этим правилам победа доставалась тому, у кого чуткое и отзывчивое сердце, настоящая отвага и презрение к опасности, боли и страху. Поколение за поколением читатели берут эту книгу в руки, и уже никогда с нею не расстаются. Пожалуй, лучше всего о популярности «Острова Сокровищ» скажет то, что с наступлением эры кино он был экранизирован... двадцать четыре раза.

Роберт Льюис Стивенсон родился в 1850 году в Эдинбурге, столице Шотландии, в семье морского инженера, специалиста по строительству маяков. С раннего детства море, морские книги, рассказы о море, карты и лоции вошли в жизнь мальчика. Он мечтал стать капитаном, искателем приключений, но болезнь — Стивенсон страдал тяжелой формой туберкулеза — не позволила ему подняться на мостик корабля. Он поступил на юридический факультет Эдинбургского университета, еще в студенческие годы начал писать и печатать рассказы и повести, и в результате стал не юристом, а писателем. Его перу, кроме «Острова Сокровищ», признанного классическим образцом приключенческого жанра, принадлежат такие известные историко-приключенческие романы, как «Черная стрела» (1888), «Владелец Баллантре» (1889), «Катриона» (1893) и несколько сборников новелл, среди которых еще одно известное на весь мир произведение Стивенсона — «Странная история доктора Джекила и Мистера Хайда» (1886).

Неудивительно, что Ллойд Осборн, которому «Остров Сокровищ» обязан своим появлением на свет, по примеру приемного отца также стал писателем. В соавторстве с отчимом он создал талантливые романы «Несусветный багаж» (1889) и «Потерпевшие кораблекрушение» (1892), посвященные жизни британцев в конце девятнадцатого столетия.

И все-таки Роберту Стивенсону было суждено совершить далекое путешествие. Его болезнь начала быстро прогрессировать, и врачи посоветовали писателю сменить влажный и прохладный климат Шотландии на сухие субтропики. Разумеется, он выбрал не Средиземноморское побережье, а один из самых отдаленных уголков мира — архипелаг Самоа, расположенный в южной части Тихого океана. В 1890 году вместе с семьей Стивенсон поселился на острове Уполу, но было уже поздно — спустя четыре года, в возрасте сорока четырех лет, писатель скончался, оставив незаконченным последний роман «Уир Гермистон», который обещал стать еще одним шедевром.

Роберт Льюис Стивенсон похоронен на острове Уполу на высоком холме. Ежегодно туда съезжаются тысячи туристов и поклонников его творчества со всего мира. С холма на десятки миль открывается океанский простор, который всю жизнь словно магнитом притягивал воображение писателя, а на могильном камне выбиты строки из стихотворения «Реквием», написанного Стивенсоном еще в молодости:

Здесь его дом, его давний маяк,
Из долгих скитаний вернулся моряк,
Охотник — из чащи лесной.

Глава I

Старый морской волк в гостинице «Адмирал Бенбоу»

Сквайр Трелони, доктор Ливси и прочие джентльмены неоднократно просили меня, чтобы я подробно от начала до конца описал всю историю об Острове Сокровищ, ничего не утаивая, кроме местоположения острова, и то только потому, что оттуда не вывезена еще часть клада. Уступая их просьбам, я берусь за перо в текущем 17... году и мысленно переношусь в то время, когда мой отец держал гостиницу «Адмирал Бенбоу» и когда старый моряк, со шрамом на щеке, неожиданно водворился в нашем доме.

Я так ясно вижу его перед собой, как будто это случилось только вчера. Тяжело ступая, подошел он к дверям гостиницы. За ним следовала ручная тележка с сундуком. Это был высокий, здоровенный малый с загорелым, как каленый орех, лицом. Просмоленная косичка торчала над воротом его грязного синего кафтана. На заскорузлых, покрытых ссадинами руках темнели грязные обломанные ногти. Поперек одной щеки тянулся сине-багровый шрам от удара саблей. Помню, как он оглянулся на бухту, насвистывая что-то себе под нос, затем вдруг заорал старую морскую песню, которую потом так часто распевал:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца,

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пел он высоким, хриплым, надтреснутым голосом, напоминавшим дребезжание шпиля.

Затем он постучался в дверь кончиком палки, похожим на гандшпуг, и грубо потребовал у моего отца стакан рома. Когда ром был подан, он стал медленно потягивать его, смакуя с видом знатока и поглядывая то на берег, то на нашу вывеску.

— Недурная бухточка, — пробормотал он наконец. — И неплохое место для таверны. Много народу, хозяин?

Отец ответил, что, к сожалению, очень немного.

— Отлично, — сказал моряк. — Подходящее место для причала. Эй, малый, сюда! — окрикнул он человека, который привез тележку. — Подъезжай поближе и помоги мне втащить сундук. Я здесь остановлюсь ненадолго. Я человек покладистый, — продолжал он. — Ром, свиная грудинка и яйца — вот и все, что мне нужно, да еще этот утес в придачу, чтобы следить за проходящими судами. Как зовут меня? Не важно, вы можете называть меня просто капитаном. О, я знаю, что вам требуется. Вот! — И он швырнул на порог три или четыре золотые монеты.

— Вы скажете мне, когда нужно будет доплатить, — прибавил он с гордым видом, как настоящий командир.

И в самом деле, несмотря на плохую одежду и грубость в обращении, он все же мало походил на простого матроса. Скорее его можно было принять за штурмана или шкипера, привыкшего командовать и раздавать зуботычины.

Человек, привезший на тележке сундук, сообщил нам, что моряк прибыл накануне утром с почтовым дилижансом в «Гостиницу короля Георга» и расспрашивал там, какие есть еще гостиницы поближе к морю. Услышав хорошие отзывы о нашей гостинице и узнав, что она стоит уединенно, он, как я предполагаю, и остановил поэтому на ней свой выбор. Вот и все, что нам удалось узнать о нашем постояльце.

Обычно он был очень молчалив. Целый день слонялся он с медной подзорной трубой по берегу бухты или среди скал, по вечерам же сидел в столовой в углу и потягивал ром с водой. По большей части он даже не отвечал, когда с ним заговаривали, только свирепо поглядывал да посапывал носом, как фаготом. Вскоре мы и наши посетители научились оставлять его в покое. Каждый день, возвращаясь с прогулки, он неизменно спрашивал, не проходил ли по дороге какой-нибудь моряк? Сначала мы думали, что он спрашивает так потому, что ищет себе собутыльников, но вскоре заметили, что он старается избегать моряков. Если какой-нибудь моряк, пробираясь береговой дорогой в Бристоль, заворачивал в гостиницу «Адмирал Бенбоу», то капитан сначала разглядывал его из-за портьеры и только потом входил в столовую, причем в присутствии такого посетителя он всегда был нем как рыба. Поведение капитана не осталось мной незамеченным,

тем более что я сам до некоторой степени сделался соучастником его опасений.

Однажды он отвел меня в сторону и обещал давать мне первого числа каждого месяца четыре пенса серебром, если только я буду «смотреть в оба, не появится ли моряк на одной ноге», и сообщу ему тотчас же, как увижу такого человека. Не раз, бывало, когда наступало первое число и я являлся к нему за деньгами, он только посапывал носом и окидывал меня уничтожающим взглядом. Однако обычно уже к концу недели он сменял свой гнев на милость, выплачивал мне мои четыре пенса и снова приказывал «не проглядеть моряка на одной ноге».

Вы не можете себе представить, как этот таинственный моряк мучил меня в кошмарных сновидениях. Ночью во время шторма, когда ветер сотрясал весь дом и прибой ревел, разбиваясь об утесы, он являлся мне в самых разнообразных формах, в самых дьявольских воплощениях. То с ногой, отрезанной только до колена, то с ногой, отнятой по самое бедро, то в виде чудовища на одной ноге, торчащей посредине туловища. Но самым ужасным кошмаром было видеть, как он гонится за мной, перепрыгивая через изгороди и канавы. Во всяком случае, я дорого расплачивался этими страшными снами за мои ежемесячные четыре пенса.

Но, хотя я и приходил в ужас от одной только мысли об одноногом моряке, тем не менее самого капитана я боялся гораздо меньше, чем все остальные. Иногда по вечерам он выпивал рома с водой больше, чем могла выдержать его голова, и начинал буйнить и горланить свои проклятые дикие старинные морские песни, не обращая ни на кого внимания. Порою же он требовал, чтобы и остальные пили вместе с ним, и заставлял дрожащих от страха посетителей слушать его рассказы или подпевать ему хором. Часто стены нашего дома содрогались от «Йо-хо-хо, и бутылка рому», так как все посетители, опасаясь за свою жизнь, присоединялись к хору и орали во все горло, чтобы только не вызвать его гнева. В таких припадках капитан становился страшен и неукротим. Он то ударял кулаком по столу, требуя молчания, то приходил в ярость, если ему задавали какой-нибудь вопрос, то, наоборот, свирепел, если его ни о чем не спрашивали, усматривая в этом невнимательное отношение со

стороны слушателей к его рассказу. Он не позволял никому уходить из гостиницы до тех пор, пока сам не напивался мертвецки пьян и не уходил, пошатываясь, спать.

Но особенно пугали посетителей его рассказы. Это были действительно страшные рассказы о повешенных, об отчаянных сорвиголовах, о штормах на море, о пустынях, о разбоях у берегов испанских владений. По его собственным словам выходило, что он провел свою жизнь среди самых отвязавленных злодеев, какие только когда-нибудь плавали по морю. А те грубые словечки, которыми он оснащал свои рассказы, пугали поселян не меньше, чем описываемые им злодеяния.

Мой отец частенько говаривал, что наша гостиница скоро разорится, так как посетители перестанут у нас бывать, чтобы не подвергаться издевательствам и не дрожать потом от страха по дороге домой. Однако я думаю, пребывание капитана скорее приносило нам выгоду. Правда, посетители сначала пугались, но потом с удовольствием вспоминали страшные рассказы. Это вносило некоторое приятное возбуждение в однообразную деревенскую жизнь. Среди молодежи нашлись даже поклонники капитана, которые называли его «настоящим морским волком» и другими подобными прозвищами и говорили, что он принадлежит к числу тех людей, которые сделали Англию грозной на море.

Но в одном отношении капитан, несомненно, мог способствовать нашему разорению. Он жил у нас неделю за неделей, месяц за месяцем. Данные им деньги давно были прожиты, а отец мой все не мог никак настоять на уплате. Стоило отцу только намекнуть об этом, как капитан начинал так яростно сопеть носом, что бедный отец со страхом исчезал из комнаты. Я видел, как он после такого отпора в отчаянии ломал себе руки, и уверен, что пережитые им волнения и опасения в значительной мере ускорили его преждевременную кончину.

За все время пребывания у нас капитан ни разу не обновил своей одежды и только купил несколько пар чулок у разносчика. Один край его шляпы обвис, и он так и оставил его болтаться, хотя это было очень неудобно при сильном ветре. Помню, как он сам чинил наверху в своей комнате кафтан, обратившийся в сплошные заплаты. Он

никогда не писал и не получал писем и ни с кем не разговаривал, кроме как с соседями по столу, да и то если был сильно пьян. И никто из нас ни разу не видел, чтобы он открывал свой сундук.

Только один раз капитан получил хороший отпор, да и то уже под конец, незадолго до смерти моего отца. Доктор Ливси навестил нас как-то довольно поздно после полудня, осмотрел своего пациента, пообедал, по приглашению моей матери, и спустился в общую комнату выкурить трубку в ожидании, пока подадут ему лошадь, оставленную внизу в деревне, так как при нашей старой гостинице не было стойла.

Я последовал за ним и помню, как бросился мне в глаза контраст между распущенными деревенскими пьяницами и сдержанным жизнерадостным доктором в парике, осыпанном белоснежной пудрой, с его живыми черными глазами и приветливым обращением. Но особенно резок был контраст между доктором и нашим мрачным и грязным постояльцем, который сидел, развалившись за столом, и потягивал ром. Вдруг капитан хриплым и оглушительным голосом заорал свою любимую песню:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца,

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пей! И дьявол тебя доведет до конца,

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Первое время я думал, что «сундук мертвеца» и есть тот сундук, который стоял в комнате капитана, и в моих страшных снах он нередко являлся мне вместе с одноногим моряком. Но потом мы так привыкли к этой песне, что перестали обращать на нее внимание. В этот вечер она явилась новостью лишь для доктора и, как я заметил, не произвела на него приятного впечатления. Он сначала поглядел сердито, а потом вступил в разговор со стариком садовником Тэйлором о новом способе лечения ревматизма. Капитан, пришедший в раж от своего пения, ударил кулаком по столу, что означало, как мы уже все знали, — молчание! Все сразу замолкли, один только доктор Ливси продолжал добродушно и весело разговаривать, попыхивая трубкой. Капитан

грозно посмотрел на него, ударил вторично кулаком по столу, потом посмотрел еще грозней и разразился ругательствами:

— Эй вы там, на нижней палубе, потише!

— Вы ко мне обращаетесь, сэр? — спросил доктор. Грубиян ответил утвердительно, разразившись новыми ругательствами.

— В таком случае, сэр, — невозмутимо продолжал доктор, — могу сказать вам только одно: если вы будете продолжать пить ром, то скоро избавите мир от одного из самых отъявленных негодяев.

Капитан страшно рассвирепел. Он вскочил, выхватил свой складной матросский нож и начал размахивать им, грозя пригвоздить доктора к стене. Но тот продолжал сидеть совершенно спокойно. Слегка повернувшись к капитану, он сказал ровным и твердым голосом, но так громко, чтобы все посетители могли слышать:

— Если вы сейчас не спрячете свой нож обратно в карман, то, клянусь честью, вам придется иметь дело с судом.

Взгляды их скрестились, как шпаги на поединке. Вдруг капитан уступил, спрятал нож и уселся на свое старое место, как побитая собака.

— А теперь, сэр, — продолжал доктор, — я должен вас предупредить. Раз я узнал, что в моем округе завелся такой молодчик, то вы можете быть уверены, что я буду смотреть за вами в оба. Я ведь не только доктор, а и должностное лицо, и при первой жалобе на вас — хотя бы только за грубость, вроде сегодняшней, — сумею принять нужные меры для вашего выселения отсюда. Помните это.

Доктору Ливси подали лошадь, и он уехал. Но капитан все же притих и стал держать себя менее вызывающе.

Глава II

Загадочное появление и исчезновение Черного Пса

Вскоре за тем благодаря одному загадочному происшествию мы избавились наконец от самого капитана, но не от его наследства, как вы увидите дальше.

Стояла очень суровая зима с сильными продолжительными морозами и штормами. Было очевидно, что мой бедный отец не дотянет до весны. Он слабел с каждым днем, и хозяйничать в гостинице приходилось моей матери и мне.

Мы были очень заняты и почти не обращали внимания на нашего неприятного постояльца.

Случилось это рано утром, в январе. Было очень холодно, и прибрежные скалы казались седыми от инея. С оттаявших камней стекали струйки. Солнце только что поднялось над вершинами холмов и осветило море. Капитан поднялся раньше обыкновенного и направился к бухте. Кортик болтался у него сбоку под широкой полкой старого синего кафтана; под мышкой он держал медную подзорную трубу. Заломив шляпу на затылок, он шел большими шагами к берегу, и пар от его дыхания клубился белым дымком. Я слышал, как он сердито выругался, скрываясь за большим утесом, вспомнив, может быть, недавнее свое столкновение с доктором Ливси.

Мать находилась наверху, у отца, а я накрывал стол для завтрака к приходу капитана. Вдруг дверь распахнулась и в столовую вошел какой-то совершенно незнакомый мне человек. Он казался с виду бледным и болезненным, и на левой руке не хватало двух пальцев. Хотя за поясом у него и торчал кортик, тем не менее вид у него был далеко не воинственный. Я всегда следил в оба за всеми моряками как на одной, так и на двух ногах, и помню, что пришелец привел меня в замешательство. Он не походил на моряка, но все же я почувствовал, что он моряк.

Я спросил, что ему угодно, и он сказал, что хотел бы выпить рому. Не успел я принести рому, как он уселся за стол и дал мне знак подойти поближе. Я остановился с полотенцем в руке.

— Подойди поближе, дружок, — сказал он, — подойди поближе.
Я подошел.

— Этот стол накрыт для штурмана Билли? — спросил он меня и подмигнул при этом.

Я ответил, что не знаю никакого штурмана Билли и что этот стол накрыт для одного лица, живущего в нашей гостинице, которого мы называем капитаном.

— Отлично, — проговорил он, — штурман Билли может называться капитаном, это не меняет дела. У него шрам на щеке и очень приятное обхождение, особенно когда он выпьет. Вот он каков, штурман Билли. Хорошо же, признаем, что и у вашего капитана есть шрам на одной щеке, скажем, если вам угодно, на правой. Не так ли? Совершенно верно. Значит, штурман Билли находится в этом доме?

Я ответил, что капитан вышел прогуляться.

— А куда он пошел, дружок? По какой дороге?

Когда я указал на берег и рассказал, по какой дороге и как скоро вернется капитан, а также ответил еще на несколько других вопросов, незнакомец воскликнул:

— Отлично, штурману Билли мой визит доставит такое же удовольствие, как и выпивка!

Однако выражение его лица при этих словах было далеко не из приятных, и я имел все основания считать, что незнакомец ошибался, даже если предположить, что он действительно говорил то, что думал. Но я решил, что меня это не касается, да и не знал, собственно, как надлежало мне тут поступить.

Незнакомец пристально наблюдал за входом и высматривал из угла, точно кошка, поджидающая мышь. Я попытался было выйти на дорогу, но он тотчас же позвал меня назад. Я недостаточно быстро повиновался, и тогда болезненное лицо его исказилось таким гневом и он так свирепо заорал на меня, что я в страхе отскочил назад. Но как только я вернулся, он опять принял прежнюю манеру обращения со мной, не то вкрадчиво, не то презрительно, потрепал меня по плечу и сказал, что я ему нравлюсь:

— У меня есть сын, похожий на тебя как две капли воды. Он — моя радость и гордость. Но самое главное для юношей — дисциплина, дружок, дисциплина. Вот если бы ты поплавал с Билли, то мне

не пришлось бы окликать тебя два раза. Билли никогда не повторял дважды, да и другие, кто с ним плавал... А вот, наверно, и сам старик штурман Билли, с подозрительной трубкой под мышкой. Пойдем в комнату, дружок, и спрячемся за дверью, чтобы сделать ему сюрприз. То-то старина обрадуется...

Мы вернулись в столовую, и незнакомец спрятался вместе со мной в углу за открытой настежь дверью. Мне было не по себе, и я порядком струхнул, тем более что и незнакомец, как я заметил, тоже, видимо, трусил. Он хватался за рукоятку кортика и дергал клинок в ножнах. Все время, пока мы стояли за дверью, он судорожно глотал слюну, как будто у него что-то застряло в горле. Наконец, в комнату ввалился капитан и, захлопнув за собой дверь, не глядя по сторонам, направился прямо к столу, где был приготовлен для него завтрак.

— Билли! — окликнул его незнакомец, стараясь, как мне показалось, придать своему голосу побольше смелости и решительности.

Капитан быстро обернулся и очутился прямо перед нами. С лица его сразу улетучился коричневый загар, даже нос принял синеватый оттенок. Он походил на человека, увидевшего перед собой привидение, или самого дьявола, или же что-нибудь еще более страшное, если только может быть на свете что-нибудь более страшное. Честное слово, мне даже стало жалко его в эту минуту, до того он сразу постарел и осунулся.

— Подойди же, Билли! — продолжал незнакомец. — Разве ты не узнаешь меня? Не узнаешь своего старого товарища?

Из груди капитана вырвался глубокий вздох.

— Черный Пес! — прохрипел он.

— Кто же иной, как не он? — ответил незнакомец, видимо, приободрившись. — Черный Пес явился проведать своего старого штурмана в гостиницу «Адмирал Бенбоу». Эх, Билли, Билли, много воды утекло с тех пор, как я лишился своих двух когтей! — И при этих словах он показал искаленную руку.

— Ладно, — проворчал капитан, — тебе удалось напасть на след и отыскать меня. Что ж? Вот я, перед тобой! Говори же, зачем ты пришел и чего тебе надобно?

— Узнаю тебя, Билли! — ответил Черный Пес. — Впрочем, ты прав. Я хочу, чтобы этот мальчуган подал мне стаканчик рому. Мы усядемся,

если тебе угодно, здесь и поговорим по душам, как два старых товарища по плаванию.

Когда я принес ром, они уже расселись друг против друга за столом, накрытым для капитана. Черный Пес сидел ближе к двери, несколько боком, чтобы, как мне показалось, удобней наблюдать за своим старым товарищем и быть наготове вовремя скрыться. Он приказал мне удалиться и оставить дверь открытой настежь.

— Чтобы никто не подсматривал в замочную скважину, — объяснил он мне.

Я оставил их вдвоем и вернулся к стойке.

В течение довольно продолжительного времени я, несмотря на все мои старания, ничего не мог расслышать. Сначала они говорили шепотом, потом разговор сделался громче и до меня начали долетать отдельные слова, преимущественно ругательства капитана.

— Нет, нет и нет! И довольно об этом! — прокричал он.

И потом снова:

— Уж если дело дойдет до петли, то пусть болтаются в ней все, говорю я.

Вдруг послышались отчаянные ругательства — и грохот. Стол и стулья покатались на пол, зазвенели клинки и раздался чей-то стон. Вслед за тем я увидел Черного Пса, спасающегося бегством от капитана. Оба держали обнаженные кортики, и у Черного Пса из левого плеча текла кровь. Как раз у наружной двери капитан замахнулся на него кортиком и, наверное, рассек бы его пополам, если бы не помешала наша большая вывеска. Вы можете и посейчас видеть на ней зазубрину у нижнего края.

Этим ударом закончилась драка.

Выскочив на дорогу, Черный Пес, несмотря на ранение, пустился быстро бежать и через минуту скрылся за холмом. Капитан же стоял и смотрел, словно в оцепенении, на вывеску. Затем он провел несколько раз рукой по глазам и вернулся в комнату.

— Джим, — приказал он, — рому!

Он слегка пошатнулся при этих словах и оперся одной рукой о стену.

— Вы ранены? — спросил я.

— Рому! — повторил он. — Мне надо выметаться отсюда! Рому! Рому!

Я побежал за ромом, но был так взволнован всем происшедшим, что разбил стакан и разлил ром. Из столовой раздался грохот от падения чего-то тяжелого. Вбежав туда, я увидел капитана, растянувшегося во весь свой огромный рост на полу. В ту же минуту сверху прибежала моя мать, напуганная криками и дракой. Вдвоем мы подняли голову капитана. Он дышал громко и тяжело. Глаза его были закрыты, и лицо побагровело.

— Боже мой, боже мой! — воскликнула мать. — Что за проклятье тяготеет над нашим домом. И бедный твой отец лежит совсем больной.

Мы не знали, как помочь капитану, и были уверены, что он получил смертельную рану в драке с незнакомцем. Я принес рому и пытался влить ему в рот, но зубы его были крепко стиснуты и челюсти сжаты, как железные.

На наше счастье, в дверях показался доктор Ливси, приехавший навестить моего отца.

— Доктор! — обратились мы к нему. — Скажите, что нужно делать? Куда он ранен?

— Ранен? — переспросил доктор. — Ничего подобного, он так же ранен, как и мы с вами. Его просто хватил удар, о чем я его уже предупреждал. А теперь, миссис Хокинс, отправляйтесь-ка наверх к своему мужу и не рассказывайте ему о случившемся. Я же со своей стороны приму все меры, чтобы спасти никому не нужную жизнь этого негодяя. Пусть Джим принесет мне таз.

Когда я принес таз, доктор уже засучил один рукав у капитана и обнажил его огромную жилистую руку, покрытую во многих местах татуировкой. Надписи: «Да будет удача», «Попутного ветра», «Пусть сбудется желание Билли Бонса», — были выведены очень четко и красиво на верхней части руки, а у самого плеча красовалось изображение виселицы с болтающимся в петле повешенным, нарисованное, как мне показалось, очень живо.

— Пророческий рисунок! — пробурчал доктор, потрогав пальцем изображение виселицы. — А теперь, мистер Билли Бонс, если так действительно вас величают, посмотрим, каков цвет вашей крови. Ты не боишься крови, Джим? — обратился он ко мне.

— Нет, сэр, — ответил я.

— Прекрасно. Тогда поддержи таз.

Он взял ланцет и вскрыл вену. Пришлось выпустить немало крови, прежде чем капитан открыл глаза и обвел комнату мутным взглядом. Сначала он узнал доктора и нахмурился, потом увидел меня и несколько успокоился. Вдруг лицо его снова налилось кровью и он попробовал приподняться с криком:

— Где Черный Пес?

— Здесь нет никакого Черного Пса, — ответил доктор, — только с вами приключилась беда. Вы пили слишком много рому, и вас хватил удар, как я и предсказывал вам. И мне против моего желания пришлось помогать вам выкарабкаться из могилы. А теперь, мистер Бонс...

— Меня зовут совсем не Бонс, — перебил его капитан.

— Все равно, — ответил доктор. — Это имя одного морского разбойника, которого я знаю, и я зову вас так ради удобства. Вот что я должен вам сказать: один стаканчик рому не повредит вам, но если вы выпьете один, то за ним последует второй и третий. Я ручаюсь, что если вы не перестанете пить, то умрете. Понимаете? Умрете и отправитесь в уготованное для вас местечко на том свете, как говорится в Библии. А теперь постарайтесь встать. Я помогу вам добраться до постели.

С большим трудом мы втащили капитана наверх и уложили в постель. Голова его в изнеможении упала на подушку, точно он лишился чувств.

— Итак, запомните хорошенько, — сказал ему доктор. — Я говорю вам для очистки совести: ром — это смерть для вас.

С этими словами он взял меня под руку и направился к моему отцу.

— Это пустяки, — заметил он, закрыв дверь. — Я выпустил ему порядочно крови, и он с недельку спокойно пролежит в постели. Это лучше и для него, и для вас. Но второй удар может закончиться для него смертью.

Глава III

Черная метка

Около полудня я принес капитану прохладительное питье и лекарство. Он лежал неподвижно в том же положении, как мы его оставили, только несколько повыше, и казался слабым и вместе с тем возбужденным.

— Джим, — сказал он. — Ты один здесь славный парень. Я всегда хорошо относился к тебе и давал каждый месяц четыре пенни серебром. Ты видишь, дружок, как мне скверно. Никто за мной не ухаживает. Будь же добр, Джим, принеси мне кружечку рому. Хорошо, дружок?

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ